

Жуковский самъ подвинулъ языкъ впередъ и много сдѣлалъ для стиха и для поэзіи; но и у Жуковского есть длинныя посланія, которыхъ достоинство заключается совсѣмъ не въ поэзіи, а развѣ въ звучности стиха и краснорѣчій, и которыя въ сущности немногимъ важнѣе риторическихъ и дадактическихъ разсужденій въ стихахъ Державина, добродушно называемыхъ имъ одами. И въ этихъ длинныхъ посланіяхъ Жуковского виденъ историческій ходъ развитія нашей поэзіи: у Пушкина уже нѣтъ подобныхъ произведешій, но потому именно и нѣтъ, что они уже были у Жуковского, и что уже пришло время кончиться имъ.

Итакъ, некого обвинять и нечего жалѣть, что Державинъ не былъ поэтомъ-художникомъ; лучше подивиться тѣмъ свѣтозарнымъ проблескамъ поэзіи и художественности, которыми такъ часто и такъ ярко вспыхиваетъ дидактическая, по преобладающему элементу своему, поэзія этого могучаго таланта. Натура Державина по преимуществу поэтическая и художественная, но время и обстоятельства положили непреодолимые преграды ея развитію, и потому въ созданіяхъ Державина нѣтъ поэзіи, какъ искусства, — есть только элементы и проблески истинной поэзіи. Это уже не чисто-подражательная поэзія, какъ у Ломоносова: въ ней уже слышатся и чувствуются звуки и картины русской природы, но перемѣшанные съ какой-то искаженной, на французскій манеръ, греческой мифологіей. Возьмемъ для примѣра прекрасную оду «Осень во время осады Очакова»: какая странная картина чисто-русской природы съ Богъ-вѣдаетъ какой природой, — очаровательной поэзіи въ непонятной риторикой:

Спустилъ съдой Эоль Борея
Съ цѣпей чугунныхъ изъ пещеръ;
Ужасны крылья расширяя,
Махнулъ по свѣту богатырь;
Погналъ стадами воздухъ синий,
Спустилъ туманы въ облака,
Давнулъ — и облака разсѣлись,
Спустился дождь и восшумѣлъ.

Къ чему тутъ Эоль, къ чему Борея, пещеры и чугунныя цѣпи? Не спрашивайте. Къ чему нужны были пудра, мушки и фижмы? Во время оно безъ нихъ нельзя было показаться въ люди... И какъ неидетъ русское слово «богатырь» къ этому тѣмцу «Борею»! Можно ли гонять стадами синий воздухъ? И что за картина: Борея, спустивъ туманы въ облака, давнулъ ихъ; облака разсѣлись, и оттого спустился дождь и восшумѣлъ?.. Вѣдь это — слова, слова, слова!.. Но дайте:

Уже румяна осень носить
Сныи златые на гумно.

Какіе прекрасные два стиха! По нимъ вы думаете, что вы въ Россіи...

И роскошь винограду просить
Рукою жадной на вино;

Тоже прекрасные стихи; но куда они переносятъ васъ — Богъ вѣстъ!

Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степямъ;
Шумящи красножелтыя листья
Разстлались всюду по тропамъ.
Въ опушкѣ зайцъ быстроногій,
Какъ колпикъ посѣдѣвъ, лежитъ;
Ловечки раздаютъ роги,
И выжлятъ лай и гулъ гремѣть;
Запаслися крестьянинъ хлѣбомъ,
Всѣхъ добры щи и пиво пѣтъ;
Обогащенный добрымъ небомъ...

Тутъ вы ожидаете, что онъ благословляетъ въ простотѣ сердца имя Божье за дары его; ничуть не бывало: онъ —

Блаженство дней своихъ поетъ!

Не на лирѣ ли?..

Борей на осень хмурить брови,
И Зимѣ съ Сѣвера зовѣтъ:
Идетъ съдая чародѣйка,
Косматымъ машетъ рукавомъ,
И свѣтъ, и мразь, и иней сыплетъ,
И воды претворяетъ въ льды;
Отъ хладнаго ея дыханья
Природы взоръ оцѣпенѣлъ.
На мѣсто радугъ испещренныхъ
Виситъ на небѣ мгла вокругъ,
А на коврахъ полей зеленыхъ
Лежитъ разсыпанъ бѣлый пухъ;
Пустыни сѣютъ и доли,
Голодны волки воютъ въ нихъ;
Древа стоятъ и холмы голы,
И не пасется стада при нихъ.
Ушелъ олень на тундры мшисты
И въ логовище легъ медвѣдь.

И вслѣдъ за этими чудными стихами —

По селамъ нимфы голосисты
Престали въ хороводахъ пѣтъ,
Небесный Марсъ оставилъ громы,
И легъ въ туманы отдохнуть...

Какой «небесный Марсъ» и въ какіе «туманы» легъ онъ на отдыхъ? Что за «нимфы голосисты» — ужъ не крестьянки ли?.. Не называть нашихъ крестьянокъ нимфами все равно, что назвать Меланіей Маланью...

Что въ Державинѣ былъ глубоко-художественный элементъ, это всего лучше доказываютъ его такъ-называемыя «анакреонтическія» стихотворенія. И между ними нѣтъ ни одного, вполнѣ выдержаннаго; но какое созерцаніе, какіе стихи! Вотъ, напри- мѣръ, «Побѣда красоты»:

Какъ храмъ Ареопагъ Паладѣ,
Нептуна презря, посвятилъ,
Притекъ къ аеинской левъ оградѣ,
И ревомъ городу грозилъ.
Она копья непобѣдима
Ко ополченію не взяла,